

Глава 28. Мы уже пообедали, а для тебя ничего нет!

Покончив с этим, она села под навесом, чтобы погреться и достала немного шерстяной нити из своего пространства, чтобы вязать.

Когда Гу Жуоцинь проснулась и обнаружила, что ее никто не звал на обед, она выбежала посмотреть и нахмурилась: «Дедушка и бабушка еще не вернулись? Позови их к обеду. Уже время обедать, но они заставляют людей ждать их. Тьфу».

После этого она направилась на кухню.

Не поднимая глаз, Гу Цинъяо ответила: «Дедушка и бабушка уже поели. Они не вернутся».

Гу Жуоцинь была ошеломлена.

Гу Цинъяо ухмыльнулась: «Мы уже давно поели. Разве ты не предпочла пропустить обед, чем поработать? Мы уже пообедали, а для тебя ничего нет!»

Глаза Гу Жуоцинь широко раскрылись: «Что ты сказала?»

Она бросилась на кухню, и действительно, кастрюля была пуста и вымыта. Затем она посмотрела на соседний стол, и корзина с рыбой, которая изначально была здесь, тоже исчезла.

«Где рыба?» - сердито крикнула Гу Жуоцинь.

«Мы ее съели. Если ты хочешь есть, ты можешь пойти в дом своей бабушки по материнской линии. Возможно, ты все еще успеешь. Твоя мать забрала так много вещей, и они, должно быть, сейчас устраивают пир!»

«Ты...»

Гу Жуоцинь была в ярости. Она была голодна после того, как все утро играла на улице, но сейчас нечего было есть.

«Поторопись и приготовь мне обед. Кто ты? Как ты смеешь не оставлять мне никакой еды?»

Гу Цинъяо лишь на мгновение взглянула на нее и хихикнула, прежде чем продолжить вязание.

Гу Жуоцинь кипела от гнева. Она не умела готовить, так как Чжан Сяохуэй с самого детства души в ней не чаяла и не позволяла ей заниматься какой-либо домашней работой. Можно сказать, что она вела изнеженную жизнь. В этой семье еду всегда готовила либо бабушка Вэнь Жуйю, либо Гу Цинъяо. Даже Чжан Сяохуэй редко готовила.

Гу Жуоцинь была чрезвычайно взбешена тем, что Гу Цинъяо проигнорировала ее, и когда она посмотрела вниз, чтобы увидеть как Гу Цинъяо вяжет, ее ярость удвоилась.

«Откуда у тебя эта пряжа? Кто дал вам деньги на покупку пряжи, да еще такой качественной? Свяжи мне рубашку. Скоро зима, и я смогу его надеть».

Хотя пряжа в руке Гу Цинъяо была черной, это поколение не было таким уж разборчивым. Более того, большая часть одежды была темного цвета, и загорелые девушки тоже могли ее носить.

Гу Цинъяо не обращала на нее внимания и вела себя так, словно не слышала ее.

Поняв, что Гу Цинъяо игнорирует ее, Гу Жуоцинъ пришла в ярость и толкнула Гу Цинъяо: «Я с тобой разговариваю! Ты меня слышала?»

Она приложила много сил, и Гу Цинъяо, сидевшая на табурете, чуть не упала от толчка.

К счастью, у Гу Цинъяо была быстрая реакция, и она встала, чтобы не упасть. Затем она повернулась и без колебаний с силой толкнула Гу Жуоцинъ: «Ты что, дура? Разве ты не видела, что я вяжу? Как ты смеешь толкать меня? Не думай, что я слабачка».

Гу Жуоцинъ не ожидала, что Гу Цинъяо будет такой безжалостной, так как раньше она была очень скромной, тихой и всегда мягко говорила. Гу Жуоцинъ ненавидела эту черту Гу Цинъяо больше всего, так как чувствовала, что Гу Цинъяо вела себя как нежная девушка. И все же, как бы она ни старалась, она не могла действовать так же хорошо, как Гу Цинъяо.

Застигнутая врасплох, Гу Жуоцинъ упала на землю и недоверчиво глядя на Гу Цинъяо, произнесла: «Как ты смеешь толкать меня?»

«Пффф!» - Гу Цинъяо рассмеялась: «Чего тут не осмелиться?»

«Ты...» - Гу Жуоцинъ яростно встала и закричала: «Гу Цинъяо, чего ты хочешь? Маленькая сучка из Пяти Черных Категорий. Если ты и дальше будешь такой самонадеянной, я...»

Шлеп

Гу Цинъяо дала ей пощечину.

Гу Жуоцинъ снова широко раскрыла глаза, чувствуя, что Гу Цинъяо перед ней была слишком странной.

<http://tl.rulate.ru/book/59732/1539526>